

В целом книга З. В. Гоголева, анализирующая особенности развития капитализма в Якутии, раскрывающая историю этого края в предреволюционный период, будет полезна не только историкам и этнографам-сибироведам, но также исследователям других национальных окраин бывшей царской России. Несомненный интерес представляет рецензируемая работа для решения вопроса об этническом развитии якутов. Приведенный в книге фактический материал свидетельствует о том, что якуты в конце XIX — начале XX в. уже складывались в буржуазную нацию.

И. С. Гурвич

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, 734 стр.

Выход в свет монографии Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина — значительное событие не только для индологии, но и для востоковедческой науки вообще. По существу, это первый обобщающий марксистский труд по истории древней Индии, охватывающий громадный период от раннего палеолита до Кушано-Гуптского периода включительно. Исследование древнейших этапов истории человечества, базирующееся, как правило, на данных археологии и палеоантропологии, — одна из труднейших проблем исторической науки, независимо от того, какой регион является объектом изучения. В отношении же Индии эта задача значительно усложняется в связи с рядом ее специфических особенностей.

Индия на всем протяжении ее многовековой истории никогда не представляла единства ни в расовом, ни в лингвистическом, ни в этническом, ни, наконец, в политическом отношении. Тем не менее на этой территории в результате длительного и сложного процесса взаимодействия различных этнических компонентов сложилась особая культура, которую можно назвать индийской. При всей пестроте и неоднородности населения Индии можно говорить о ряде общих явлений культуры, отличающих Индию от других культурно-исторических областей.

Исследование всего сложного комплекса явлений, составляющих понятие культуры, невозможно, особенно применительно к Индии, без тщательного изучения самых ранних этапов ее развития. Во всех трудах по Индии, общих и специальных, изложение истории начинается обычно со времени появления первых датированных письменных памятников, т. е. с периода Ашоки (III в. до н. э.). Тщательное исследование разнообразных источников (данных археологии и палеоантропологии, нумизматики и глиптики, эпиграфики и древнеиндийской литературы), анализ социально-экономических отношений в сочетании с изучением этапов развития культуры и идеологии позволили авторам рецензируемой книги создать новую периодизацию древнеиндийской истории и отодвинуть нижнюю границу индийской истории вглубь на несколько тысячелетий.

История древней Индии распадается на три большие эпохи, которым в монографии соответствуют три раздела: I — древнейшая Индия (стр. 69—222), II — Индия в Магадхско-Маурийский период (стр. 225—472) и III — Индия в Кушано-Гуптский период (стр. 475—694).

Первый раздел состоит из восьми глав: Индия в период каменного века; древнейшая цивилизация Инда; арийская проблема; древнейшая цивилизация в долине Ганга; происхождение варн; оформление сословно-кастового строя; ведийская религия; культура древнейших индийцев; племенной мир в первой половине I тысячелетия до н. э.

Второй и третий разделы посвящены уже относительно разработанным в исторической науке периодам, обеспеченным надежными источниками. Однако в силу ряда причин (главным образом из-за отсутствия в прошлом исторической традиции в самой Индии, а также ввиду религиозно-философского характера древнеиндийской литературы) исследование даже более поздних этапов ее истории порой превращается в сложнейшую проблему. Во II и III разделах большое внимание уделено особенностям социально-экономического развития, общественного строя и идеологии Индии, а также последовательно излагается ее политическая история и история культуры. Кратко, но достаточно выразительно отражены основные достижения древних индийцев в литературе и философии, искусстве и архитектуре, астрономии и математике.

В книге большое внимание уделено истории индийских религий: авторы попытались осветить все этапы развития религиозных воззрений индийцев — от первобытных верований до формирования классических религиозных систем. Такое внимание к этой сфере идеологической жизни вполне оправданно для страны, где во все времена, вплоть до настоящего, религия оказывала огромное влияние на характер общества и его культуру.

Наиболее дискуссионные и острые вопросы индологии, такие, как арийская проблема, рабство в древней Индии, древнеиндийская сельская община, происхождение варн и сословно-кастовый строй, выделены в самостоятельные главы.

Авторы в предисловии так определили цели своей работы: суммировать результаты исследований по основным вопросам истории и культуры древней Индии, а также выявить пробелы в этой области с целью стимулировать дальнейшие исследования. Книга Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина выходит за пределы поставленной задачи. Многие главы имеют исследовательский, творческий характер. Авторы не уходят от спорных вопросов и, что особенно важно, вносят собственный вклад в разработку многих все еще неясных проблем древнеиндийской истории.

Рамки рецензии не позволяют детально проанализировать столь обширный труд, где почти каждая глава может стать предметом специальной дискуссии. Попытаемся дать лишь суммарную оценку проделанной авторами работы.

Прежде всего, это первая попытка создания комплексного труда по древней истории Индии, охватывающего проблемы собственно истории, этнической истории и культуры (в самом широком понимании), начиная с наиболее древнего этапа — каменного века.

Авторы последовательно представляют путь исторического развития индийского общества как единый и вместе с тем сложный и противоречивый процесс, а общинную культуру — как продукт взаимодействия всех когда-либо населявших эту страну народов.

В книге впервые четко поставлены спорные проблемы индийской истории: соотношение археологических культур с определенным этносом, сословно-кастовый строй, азиатский способ производства, рабство, сельская община и др. Авторы заняли вполне определенную позицию в этих вопросах. Они дают собственную трактовку, пересматривают и уточняют некоторые хронологические схемы, ряд вопросов политической истории (например, эпохи Маурьев и Кушан).

В научное обращение широко вводится материал, ранее не привлекавшийся в подобных работах. Практически учтена вся доступная специальная литература.

Таковая самая общая, разумеется, далеко не полная оценка труда Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина. Несколько подробнее хотелось бы осветить проблемы, затронутые в первом разделе, как наиболее существенные для понимания самых ранних этапов этнической истории Индии. Сделать выводы относительно исторического развития различных областей Индии в эпоху каменного века стало возможно лишь в последние десятилетия в связи с успехами индийской археологии. Анализ обширного археологического материала, рассеянного по многочисленным, зачастую труднодоступным изданиям, позволяет авторам показать, что «этапы развития Индии в период каменного века не отличались принципиально от общей линии развития человечества» (стр. 69). Еще совсем недавно история древней Индии казалась нагромождением необъяснимых фактов, не укладывавшихся в единую, логически увязанную схему; существовало мнение о каком-то «особом» пути развития Индии. Исследования же последних лет показали, что история древнейшей Индии подтверждает общие закономерности развития человечества, что отнюдь не исключает специфики ее социально-экономического развития или культуры.

Авторы дают характеристику всех основных раннеземледельческих культур. Ранним цивилизациям долин Инда и Ганга посвящены самостоятельные главы; предпринята попытка представить племенной мир всех областей Индии первой половины I тысячелетия до н. э. В рассматриваемом разделе с большим вниманием и осторожностью проанализированы материалы о вторжении ариев. Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин придерживаются мнения, что это было не внезапное и единовременное, а волнообразное и неодновременное проникновение различных индоарийских племен (стр. 126). Такая точка зрения создает перспективы на пути разрешения арийской проблемы.

Параллельное рассмотрение археологических материалов из всех географических районов Индии наглядно свидетельствует о неравномерности исторического развития отдельных ее частей уже в неолите, и особенно в эпоху энеолита. Это наблюдение открывает путь к пониманию некоторых особенностей исторического процесса в более поздние эпохи.

Представляется убедительной мысль о местных корнях энеолитических культур Центральной Индии, о связи культуры «медных кладов» в Восточной Индии с предками народов мунда. Много обещает в плане будущих этногенетических исследований концепция о появлении железа в Южной Индии в IX—VIII вв. до н. э., что позволяет отнести энеолитический период в этом районе к 1500—1800 гг. до н. э. (стр. 220). Окончательно рушится пресловутая теория о том, что Южная Индия не знала меди и бронзы.

Накопленные археологические материалы постепенно сокращают хронологические разрывы между сменяющими друг друга культурами древней Индии. В рецензируемой работе отчетливо выступает стремление увязать археологические комплексы, показать преемственность культур и представить этническую историю древнейшей эпохи как процесс последовательного развития местных культур.

Конечно, наввно было бы предполагать, что все бесспорно в монографии такого объема, где ставится много труднейших вопросов индологии, выдвигается ряд остроумных и смелых гипотез. Но может быть, одно из достоинств этой книги и заключается как раз в том, что и своими спорными положениями она дает толчок к дальнейшим поискам.

Авторы делают попытку показать, что индская цивилизация — это результат «закономерного прогрессивного развития местных земледельческих культур» (стр. 88, 89). Основным аргументом служат находки в нижних слоях индских городов керамики типа Кветты, Амри и Рана-Гхундай (культуры Синда и Белуджистана IV—III тысячелетий до н. э.). Однако это отнюдь не исключает возможности прихода носителей индской цивилизации из-за пределов Индии. Более точна высказанная в другом месте мысль о значительной роли предхараппской культуры в сложении индской цивилизации (стр. 92). Стремление подтвердить гипотезу об автохтонном происхождении индской цивилизации (хотя ни разу прямо не высказанную) приводит авторов к другому недостаточно обоснованному выводу: «...существование местных вариантов хараппской культуры было связано, вероятно, с тем, что хараппская культура возникла на основе различных, хотя и часто близких в этническом и культурном отношении, племенных групп» (стр. 93). Основанием для этого служат различия предхараппских культур, соответствующих разным центрам индской цивилизации. «Возражает» в данном случае сам индский материал: различия в характере культуры отдельных индских городов не столь велики, чтобы предполагать различную этническую основу культуры отдельных городов.

Настоящий пример приведен лишь с одной целью: проиллюстрировать те трудности, которые стоят на пути ученых, занимающихся вопросами этногенеза. Весьма показательно в этом смысле, что по существу ни одна из древнейших археологических культур Индии до сих пор не может быть с уверенностью соотнесена с каким-либо определенным этносом. Тем более заслуживает всяческого уважения и признания тот огромный труд, который вложили авторы в разработку вопросов истории древней Индии.

Б. Я. Волчок.

«Census of India 1961, vol. I. Monograph series, pt. VI, N 3. Socio-economic survey report on Chetlat island». New Delhi, 1970, 240 p.

Рецензируемое издание представляет собой монографическое описание населения небольшого острова Четлат, лежащего в Аравийском море. Это описание дается в одном из томов Всеиндийской переписи населения 1961 г. Переписи Индии публикуют, как известно, наряду с чисто статистическими данными обстоятельные всесторонние монографии по отдельным районам. Материалы для настоящего тома собрал и систематизировал Рамунни Наир, а обработал их и подготовил к печати доктор Б. К. Рой Берман.

Остров Четлат принадлежит к группе Амнидивских островов, составляющих вместе с Лаккадивскими и Миникойскими отдельную административную единицу — союзную территорию — в Индийской республике. Все эти острова расположены западнее южной оконечности Индии. Четлат лежит в 160 милях на запад от индийского города Каннанор. Площадь его около 100 га. Связь острова с материковой Индией, как и с другими островами, осуществляется на небольших парусных судах — одам. Но в штормовой период юго-западного муссона, с мая по сентябрь, остров практически бывает отрезан от внешнего мира.

На время проведения переписи 1961 г. в единственном поселении острова жило 953 человека (449 мужчин и 504 женщины). Почти все они мусульмане. На Четлате был свой административный центр, 3 сельскохозяйственные фермы, 7 бакалейных лавок, 2 школы (мужская и женская), 2 медресе, 16 мечетей.

Четлат, как и другие острова этой группы, был заселен выходцами из Кералы. Время заселения не выяснено. Легенды возводят его к IX в. Достоверно известно, что в XVI в. островитяне Четлата подвергались пиратским набегам португальцев. С 1799 г. Четлат в составе других Амнидивских островов вошел во владения английской Ост-Индской компании. С тех пор до конца XIX в. никаких переселений на остров не было. Лишь в конце XIX и начале XX в. здесь появились переселенцы. В 1950-е годы отмечена эмиграция жителей Четлата на другие острова.

Основой существования и главным занятием населения острова является возделывание кокосовой пальмы и реализация ее продуктов. Каждое домохозяйство имеет свой участок земли, обычно не превышающий несколько акров, причем половина этих участков — менее одного акра каждый. И только 10% хозяйств владеют участками более 2 акров. Однако не площадь земли, а количество кокосовых пальм на ней определяет благосостояние хозяйства. Всего на острове — около 12 тысяч пальмовых деревьев. Каждое домохозяйство имеет определенное их количество — от 5 до 500 деревьев. Половина хозяйств владеет менее чем 50 деревьями каждое, тогда как 15 крупных хозяйств имеют по 200—500 пальм.

Монокультура кокосовой пальмы определила все хозяйство островитян. Кокосовая пальма дает им копру, койру (волокно кокосового ореха) и пальмовый лист как материал для хозяйственных нужд и плетения различных изделий для внутреннего потребления и на продажу. Скудость пригодной к обработке земли не позволяет им воз-